

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3>

UDC 902.3
LBC 63.4(2)

Submitted: 03.04.2023
Accepted: 26.06.2023

**THE PARTIAL DESTRUCTION OF THE SARMATIANS BURIALS
OF THE ESAULOVSKY AKSAI
(IS IT A ROBBERY OR A RITUAL DESECRATION?)**

Valeriy M. Klepikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the problem of the partial robbery of the high-status Middle Sarmatians burials analyzed in the Esaulovsky Aksai River floodplain. The analysis of the burial complexes near the village named Kovalevka revealed an interesting feature. There was partial destruction of the buried Sarmatians bones, but, at the same time, the parts of the bones and accompanying burial equipment remained undisturbed. Typically, these burials had some status artifacts like bronze cast and forged cauldrons, weapons and horse harness items, and ceramics from the Central Caucasus, Kuban, and Lower Don Valley. *Methods and materials.* The objects of research were not only burials from Kovalevka but also synchronic burial complexes from Zhutovo, Aksai, Peregruznoe, and Oktyabrsky. The research involves using both traditional general scientific methods, including chronological and spatial analysis, and special archaeological research methods, including formal typological, cartographic, and analogy methods, which describe the scientific facts and reconstruct ethnocultural processes. *Analysis.* These burials are characterized not only by dead-drops under an individual mound but also by a special inventory, where, except for the swords and arrows, there were also spearheads, two-part bits with rod-shaped psalms, and horse bones. At the same time, the synchronic Early Sarmatian complexes found in the burial mounds were left intact. Such partial robbery of the high-status Middle Sarmatians burials is also fixed when expanding the area of the neighboring burial grounds of the Esaulovsky Aksai River basin. This observation suggests that a group of well-armed nomads with slightly different traditions characteristic of the Middle Sarmatian culture appeared on the studied territory occupied by the Early Sarmatian population at the turn of the era. Migrants who founded their cemeteries in the floodplain of the Esaulovsky Aksai River aroused the anger of the local Sarmatian groups, which led to the burials desecration of the aliens. *Results.* We can assume that at the end of the 1st century BC and the beginning of the 1st century AD, in the Don-Volga interfluvium, there was a struggle for control over an important transit zone, as indirectly evidenced by a significant number of prestigious imported items discovered in the burials of the investigated territory.

Key words: Early Sarmatians, Middle Sarmatians, burial, robbery of burials, Don-Volga interfluvium.

Citation. Klepikov V.M. The Partial Destruction of the Sarmatians Burials of the Esaulovsky Aksai (Is It a Robbery or a Ritual Desecration?). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 38-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3>

УДК 902.3
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 03.04.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

**ЧАСТИЧНО РАЗРУШЕННЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
ЕСАУЛОВСКОГО АКСАЯ
(ОГРАБЛЕНИЕ ИЛИ РИТУАЛЬНОЕ ОСКВЕРНЕНИЕ?)**

Валерий Михайлович Клепиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме частичного ограбления статусных среднесарматских погребений, исследованных в пойме р. Есауловский Аксай. Анализ погребальных комплексов могильника у с. Ковалевка позволил выявить интересную особенность, заключающуюся в частичном разрушении скелетов погребенных сарматов при сохранении в неповрежденном положении части этих скелетов и сопутствующего погребального инвентаря. Обычно такие захоронения сопровождалась статусными артефактами, среди которых выделяются бронзовые литые и кованые котлы, вооружение и предметы конской упряжи, керамика из гончарных центров Центрального Предкавказья, Кубани и Нижнего Дона. Погребения характеризуются не только одиночными погребениями с нишами-тайниками, под индивидуальной насыпью, но и особенностями инвентаря, в котором неоднократно встречаются наравне с мечами и стрелами наконечники копий, двусоставные удила со стержневидными псалиями, кости лошади. При этом синхронные раннесарматские комплексы, обнаруженные в курганах-кладбищах, остаются нетронутыми. При расширении зоны поиска выяснилось, что в соседних могильниках бассейна р. Есауловский Аксай такая практика частичного разрушения статусных среднесарматских могил также фиксируется. Это наблюдение позволяет высказать предположение, что на исследуемой территории, занятой раннесарматским населением, на рубеже эр появилась группа хорошо вооруженных кочевников с несколько иными традициями, характерными для среднесарматской культуры. Мигранты, основавшие свои кладбища в пойме р. Есауловский Аксай, вызвали недовольство местных сарматских группировок, результатом чего стало осквернение погребений пришельцев. Можно предположить, что в междуречье Дона и Волги в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. шла борьба за контроль над важной транзитной зоной, о чем косвенно свидетельствует значительное количество престижных импортных вещей, происходящих из погребений, исследованных на этой территории.

Ключевые слова: ранние сарматы, средние сарматы, погребение, ограбление погребений, междуречье Дона и Волги.

Цитирование. Клепиков В. М. Частично разрушенные сарматские погребения Есауловского Аксая (ограбление или ритуальное осквернение?) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 38–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3>

Введение. Сарматские погребения с частичным нарушением костяка при сохранении погребального инвентаря *in situ* периодически встречаются в процессе раскопок и традиционно фиксируются исследователями в отчетах с кратким определением как «результат ограбления». Иногда предлагаются индивидуальные интерпретации, сводящиеся либо к выводам о недостаточном профессионализме грабителей, либо к их узким задачам поисков конкретных предметов, либо к их опасению трогать некий табуированный набор артефактов. Обычно каждый конкретный случай интерпретируется индивидуально, без каких-либо обобщений. В то же время есть целый ряд работ, в которых на основе весьма представительного материала разных эпох и регионов с привлечением этнографических параллелей предлагаются различные версии мотивов и методов действий разрушителей могил. В контексте нашей темы, ограниченной сарматскими погребениями Есауловского Аксая, весьма интересны работы С.А. Яценко и Е.В. Вдовченкова о практике ограбления сарматских курганов в бассейне реки Дон, где дана весьма содержательная характеристи-

ка действий грабителей. Однако выводы авторов, что «действия грабителей во всех изучаемых районах и хронологических группах, безусловно, нельзя считать сознательным и массовым “осквернением” вражеских иноэтничных могил», мне кажется преждевременным [11, с. 38; 12, с. 88]. Раскопки могильника Ковалевка на левой береговой террасе степной реки Есауловский Аксай, левого притока Дона, позволили мне в свое время высказать осторожное предположение, что на исследуемой территории на рубеже эр появилась группа хорошо вооруженных кочевников с несколько иными традициями, характерными для среднесарматской культуры. Мигранты, основавшие свое кладбище в пойме реки Есауловский Аксай, вызвали недовольство местных сарматских группировок, результатом чего стало осквернение погребений пришельцев [6, с. 40]. Раскопки 2022 г. подтверждают эту гипотезу, поскольку в двух раскопанных курганах вновь найдены сарматские погребения, причем, как и в предыдущих случаях, при наличии нескольких погребений под одной насыпью (кург. 20, погр. 1, 2), то есть в кургане-кладбище, погребенные не потревожены, а

индивидуальное захоронение (кург. 25, погр. 1) подверглось частичному разрушению.

Материалы. Погребение 1 из кургана 25 обнаружено под сильно распаханной насыпью высотой 0,17 м, диаметром 28 м. В насыпи фиксировались разрозненные мелкие кости животных. Могильная яма располагалась в центре кургана, имела вытянутую овальную форму и длинной осью ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Длина ямы – 2,56 м, ширина – 1,26 м, глубина – 1,43 м от 0. В насыпи ямы в юго-восточном углу и у южной стенки на глубине 1,18–1,22 м от 0 были обнаружены кости и лопатка правой руки, ребра правой стороны, правая бедренная кость с крылом таза в сочленении, крестец и позвонки. На дне могильной ямы была обнаружена остальная часть костяка взрослого мужчины. Непотревоженными остались вся левая верхняя часть костяка и обе берцовые кости погребенного с костями стоп ног. Судя по сохранившемуся положению костей, погребенный лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища, левая нога вытянута, правая – слабо согнута в колене. Остальная часть костяка была срезана грабительским перекопом и сложена в юго-восточном углу. Череп отсутствовал. На дне ямы фрагментарно сохранились следы органической подстилки (рисунок, 1).

При этом сопутствующий инвентарь остался нетронутым, за исключением нескольких железных черешковых наконечников стрел и стеклянной бусины, обнаруженных в юго-восточном углу среди костей. При этом большой пучок таких же стрел лежал непотревоженным на левом бедре наконечниками к югу (рисунок, 9). Вдоль правой берцовой кости лежали вместе два длинных железных ножа длиной до 40 см (рисунок, 10), на кости найдена серебряная пряжка с бронзовым откидным язычком и рамкой из двух симметричных волют, спаянных между собой (рисунок, 2). В ногах найдено и железное кольцо.

В восточной стенке после снятия костей была обнаружена ниша-тайник. Фиксируемая высота свода ниши от уровня дна ямы – 30 см, длина – 1,1 м, ширина – 45 см. Дно тайника на 8–10 см ниже дна могильной ямы. В тайнике дном вверх лежал разбитый в древности котел с полусферическим туловом, остатками поддона на дне, двумя вертикальными петле-

видными ручками с одним выступом и двумя ручками-петельками под венчиком и петлевыми тамгообразными знаками под основанием вертикальных ручек. Тулово опоясано орнаментом в виде «веревочки» (рисунок, 4).

По обе стороны от котла стояли два сероглиняных кружальных кувшина. Один, с округлым туловом на выделенном поддоне, высоким сужающимся кверху горлом, отогнутым наружу венчиком и лентовидной вертикальной ручкой, был орнаментирован горизонтальными круговыми каннелюрами по нижней части горла и по плечикам. Ручка украшена четырьмя вертикальными валиками по внешней поверхности. На горле у венчика имеются две пары сквозных отверстий – следы ремонта. Четыре пары аналогичных отверстий есть и на тулове. Высота сосуда – 31 см (рисунок, 6). Второй кувшин – с округло-биконическим туловом, плоским дном, раструбным горлом и отогнутым наружу венчиком, с ручкой-петелькой, прикрепленной к верхней части тулова. Высота кувшина – 27,7 см (рисунок, 5).

Между первым кувшином и котлом у стенки тайника были обнаружены железные двухзвенные удила и стержневые двухпетельчатые псалии с зауженными штыревидными окончаниями. Рядом лежали пять серебряных выпуклых бляшек и конусовидный железный предмет, вероятно от уздечного набора. За котлом были обнаружены три серебряных фалара со следами позолоты на внешней поверхности, очень плохой сохранности. Один из фаларов был, видимо, разбит в древности. На внешней стороне прослеживаются изображения животных. По краю сохранился крепеж в виде гвоздиков. Диаметр дисков – 18 см (рисунок, 3).

На котле лежали кости задней ноги и таза овцы. Найденный рядом с удилами железный ножичек, вероятно, был положен с ними. Внутри котла был найден каменный оселок вытянутой овальной формы (рисунок, 11).

Поскольку часть найденного инвентаря находится на реставрации, а номенклатура обнаруженных артефактов весьма интересна, полностью комплекс будет представлен отдельно, как самостоятельная публикация. Нас же в данном случае интересуют прежде всего специфические особенности процесса ограбления могилы.

Анализ. Особенности погребального обряда свидетельствуют о среднесарматской традиции: это и одиночное захоронение под индивидуальной насыпью, и вытянутое положение погребенного головой и позвоночным столбом на Ю, и наличие тайника-ниши в боковой стенке могилы. Сам набор инвентаря позволяет определить хронологические рамки захоронения.

Бронзовый литой котел с двумя вертикальными ручками с одним выступом, двумя ручками-петельками и опоясывающим орнаментом в виде «веревочки» наиболее близок котлу из ст-цы Новокорсунской (тип VI,4.А по классификации С.В. Демиденко), датированному второй четвертью I в. до н. э. [3, с. 19, рис. 150–151], и отличается только наличием тамгообразных знаков под ручками.

Сероглиняные круговые кувшины кубанских гончарных центров широко представлены в могильниках Кубани и Нижнего Дона начиная с рубежа эр, хотя появляются в сарматских погребениях уже в финале раннесарматского времени [1, с. 179; 7, с. 50–56].

Удила со стержневыми двухпетельчатыми псалиями и разными вариантами окончаний стержней хорошо известны в комплексах среднесарматского времени начиная с рубежа эр [2, с. 57–58].

Серебряная пряжка с подвижным язычком и рамкой в виде двух волют имеет прямую аналогию в статусном сарматском комплексе из могильника Октябрьский-V. Такая же пряжка, но в более ценном оформлении, золотая, украшенная цилиндрическими кастами со вставками бледно-голубого стекла, датируется М.Ю. Трейстером I в. н. э., а весь комплекс – не выходящим за пределы первой половины I в. н. э. [10, с. 398, 407].

Два длинных железных ножа, уложенные вдоль правой ноги погребенного, и типологически, и по размерам идентичны боевым ножам, найденным в позднесарматском кенотафе кургана 2 могильника Котлубань-V вместе с набором серебряных украшений конской узды и другими предметами [9, с. 154, рис. 1, 1,2].

Железные черешковые наконечники стрел, оселок, железный ножичек, бусина, железные кольца бытовали длительное время и не могут служить хронологическими ре-

перами. Однако представленный набор значимых артефактов позволяет определить хронологический диапазон погребения в интервале рубежа эр – первой половины I в. н. э.

Погребальный обряд, определенный набор статусных предметов, время захоронения и специфический способ ограбления с сохранением части скелета *in situ* – все это позволяет увидеть сходство с другими погребениями данного могильника, опубликованными ранее [6]. В кургане 9 в индивидуальном захоронении вместе с частично поврежденным скелетом найден в нише разбитый бронзовый кованый котел с костями задних ног и таза овцы и наконечником копья, в другой нише – нетронутый круговой кувшин северокавказской гончарной традиции, наиболее распространенный в I в. до н. э. Аналогичную ситуацию мы встречаем в кургане 13, где у костяка мужчины отсутствовали череп, кости правого предплечья, берцовые кости правой ноги и стопы. Все это найдено в насыпи ямы, но под средневековым нетронутым захоронением, располагавшемся над погребенным сарматом. Сармата сопровождал набор вооружения, включавший железный меч, черешковые наконечники стрел и удила с псалиями, имевшими дисковидные окончания, бляхи и наконечники ремней. Сероглиняные гончарные сосуды были разбиты и выброшены из могилы. Заметим при этом, что в кургане 16 с тремя погребениями, уложенными в ряд, то есть представляющими курган-кладбище, никаких нарушений не зафиксировано. То же самое следует отметить и для двух погребений кургана 20, раскопанного в 2022 году.

Столь выборочное разрушение могил позволило мне высказать предположение о борьбе местного сарматского населения против закрепления на этой территории новой группы кочевников с традицией индивидуальных захоронений [6, с. 40]. Погребения кочевой знати, сконцентрированные в бассейне р. Есауловский Аксай, М.Ю. Трейстером были выделены в раннюю группу могил высшей элиты среднесарматского времени [10, с. 407]. Поэтому логично посмотреть, есть ли среди них захоронения, подвергшиеся аналогичной процедуре разрушения.

Хорошо известное элитное захоронение из кургана 1 могильника Октябрьский-V впол-

не соответствует описанной практике. Непотревоженными остались только череп и левая рука, все остальное было сложено аккуратной кучкой. Поскольку следов ограбления исследователи не зафиксировали, то было предложено объяснение, связанное с древнеиранскими представлениями о вторичном захоронении, почерпнутое у Геродота [5, с. 47, 49]. Отметим присутствие в погребении бронзового котла, удила с псалями, оружия, ценных импортов, длинных боевых ножей и золотой пряжки с волотовидной рамкой, аналогичных найденным в Ковалевке. В погребении 3 кургана 45 могильника Перегрузное было обнаружено захоронение знатной женщины среднесарматского времени с нетронутым сопутствующим инвентарем, но с отчлененным черепом со следами трепанации и берцовыми костями, обнаруженными в заполнении ямы [8, с. 65–67, рис. 95–97]. В этой связи можно предположить продолжение той же практики нарушения покоя погребенной, что было прослежено на предыдущих примерах. Продолжая поиски таких практик, можно поинтересоваться взглядом опять же на статусное среднесарматское женское погребение 1 из кургана 34 могильника Аксай II, где погребенная женщина, под которой располагался тайник с бронзовыми котлами, гончарной сероглиняной керамикой и другими предметами, лежала нетрадиционно на боку вытянуто, буквально прижатая к западной стенке. Вполне можно предположить возможность отодвигания покойной с центрального местоположения в сторону, но тогда следует констатировать, что труп к этому времени еще не разложился [4, с. 19–22, рис. 12–14].

Результаты. Таким образом, в локальной зоне бассейна реки Есауловский Аксай мы фиксируем периодически повторяющуюся ситуацию, когда статусные среднесарматские погребальные сооружения с индивидуальным захоронением подвергаются частичному разрушению, а раннесарматские курганы-кладбища этого же времени сохраняются нетронутыми. О синхронности этих погребальных комплексов свидетельствует наличие как в раннесарматских, так и в среднесарматских погребениях наряду с кубанской сероглиняной кружальной керамикой, традиционно датированной с рубежа эр, сероглиняных гончарных

сосудов с желобчатым вертикальным лощением из мастерских Центрального Предкавказья, определяемых в хронологическом интервале II–I вв. до н. э. Так, в кургане 9 из Ковалевки в одиночном погребении с разбитым бронзовым котлом стоял кувшин предкавказского происхождения, а в погребении 1 из кургана 37 могильника Аксай II, где под одной насыпью располагались четыре захоронения в ряд, то есть сохранялась раннесарматская практика, а в вещевом комплексе вместе с двумя мечами, длинным и коротким, удилами найдены сероглиняный кувшин с округло-биконическим туловом и ручкой-петелькой на верхней части тулова, а так же курительницы, вставленные одна в другую, что традиционно встречается в среднесарматских погребениях [4, с. 25–26, рис. 17].

Разумеется, из анализа исключены полностью разрушенные с целью ограбления погребения сарматского времени, что практиковалось с древности вплоть до наших дней.

Можно предположить, что в междуречье Дона и Волги в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. шла борьба за контроль над важной транзитной зоной, о чем косвенно свидетельствует значительное количество престижных импортных вещей, происходящих из погребений, исследованных на этой территории. Во всяком случае, известные погребальные комплексы раннесарматской и среднесарматской элиты из могильников Жутово, Октябрьский, Аксай, Перегрузное свидетельствуют о явной концентрации погребений элитного статуса на этой территории, видимо весьма ценной с точки зрения кочевого населения. Возможно, в частично нарушенных, но не ограбленных могилах среднесарматского времени мы видим отражение этой борьбы. При этом погребения с разной погребальной традицией (курганы-кладбища и захоронения под индивидуальной насыпью) на рубеже эр практически синхронны.

Заметим, что выводы из предложенного анализа представляют собой лишь одну из возможных версий. Многочисленные описания различных вариантов ограбления, даже только на сарматском материале, а также этнографические примеры манипуляций с телом погребенного после его захоронения позволяют дифференцировать описанные ситуации, предлагая

разные интерпретации. Тем не менее следует обратить внимание на ряд моментов: во-первых, это относительно небольшой район по берегам Есауловского Аксяя; во-вторых, раннесарматские и среднесарматские погребения, анализируемые в предлагаемой статье, прак-

тически одновременны, вплоть до идентичного инвентаря, но подвергаются частичному разрушению только среднесарматские могилы. Иными словами, в данном случае мы имеем конкретно-историческую ситуацию, которая не претендует на универсальность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Могильник Ковалевка, курган 25:

1 – план погребения 1; 2 – серебряная пряжка; 3 – серебряные фалары; 4 – бронзовый котел;
5, 6 – сероглиняный кувшин; 7 – железные удила и псалии; 8 – серебряные бляшки;
9 – железные наконечники стрел; 10 – железные ножи; 11 – оселок

Kovalevka burial ground, mound No. 25:

1 – plan of burial 1; 2 – silver buckle; 3 – silver phalares; 4 – bronze cauldron; 5, 6 – gray clay jug;
7 – iron bits and cheekpieces; 8 – silver plaques; 9 – iron arrowheads; 10 – iron knives; 11 – whetstone

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глебов В. П. Сарматские погребения могильника Отрадный II // Труды археологического научно-исследовательского бюро. 2005. Т. II. С. 161–198.
2. Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2005. 240 с.
3. Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.
4. Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С., Моисеев В. И. Раскопки курганных могильников Аксай II и Аксай III у села Аксай Октябрьского района Волгоградской области (к вопросу об экономических связях сарматского населения Волго-Донского региона) // Материалы по археологии Волго-Донских степей / отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та управления – фил. РАНХиГС, 2017. Вып. 4. С. 8–82
5. Кияшко А. В., Мыськов Е. П. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // Сарматы и их соседи на Дону : Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I / отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов н/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 46–57.
6. Клепиков В. М. Сарматские погребения могильника Ковалевка: чужие среди своих? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.3>
7. Косяненко В. М. Сероглиняная гончарная керамика Крепинского могильника // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д, 1988. С. 50–57.
8. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований / под ред. М. А. Балабановой, Е. В. Перервы. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 360 с.
9. Мамонтов В. И. К вопросу об оружии ближнего боя сарматов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 153–158. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.13>
10. Трейстер М. Ю. Таз(-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (к вопросу о времени и историческом контексте формирования центра погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги) // Вестник древней истории. 2019. № 2. С. 379–415. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4>

11. Яценко С. А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 25–41. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2013\)2\(8\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2013)2(8).-03)

12. Яценко С. А., Вдовченко Е. В. Ограбление сарматских курганов в древности: методы и цели // Нижневолжский археологический вестник. 2013. Вып. 13. С. 78–90.

REFERENCES

1. Glebov V.P. Sarmatskie pogrebeniya mogilnika Otradnyy II [Sarmatian Burials of the Otradnyy II Burial Ground]. *Trudy arheologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo byuro* [Proceedings of the Archaeological Research Bureau], 2005, vol. 2, pp. 161-198.
2. Glukhov A.A. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n. e.* [The Sarmatians of the Interfluvium of Volga and Don in the 1st – First Half of the 2nd Century AD]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2005. 240 p.
3. Demidenko S.V. *Bronzovye kotly drevnih plemen Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya (V v. do n.e. – III v. n.e.)* [Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th Century BC – 3rd Century AD)]. Moscow, Izd-vo LKI, 2008. 328 p.
4. Dyachenko A.N., Skripkin A.S., Moiseev V.I. *Raskopki kurgannykh mogilnikov Aksay II i Aksay III u sela Aksay Oktyabr'skogo rayona Volgogradskoy oblasti (k voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh sarmatskogo naseleniya Volgo-Donskogo regiona)* [Excavations of Kurgan Cemeteries Aksai II and Aksai III near the Village of Aksai, Oktyabrsky District, Volgograd Region (On Economic Relations of the Sarmatian Tribes of the Volga-Don Region)]. Skripkin A.S., ed. *Materialy po arkhologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archeology of the Volga-Don Steppes]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. in-ta upravleniya – fil. RANXhGS, 2017, iss. 4, pp. 8-82.
5. Kiyashko A.V., Myskov E.P. *Ritual elitnogo sarmatskogo pogrebeniya na reke Esaulovskij Aksaj (predvaritelnoe issledovanie)* [The Ritual of Elite Sarmatian Burial on the Esaulovskiy Aksay River (Preliminary Study)]. Guguev Yu.K., ed. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Vyp. I* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Materials and Research on the Archeology of the Don. Issue 1]. Rostov-on-Don, ООО "Терра", НПК "Гефест", 2000, pp. 46-57.
6. Klepikov V.M. Sarmatskie pogrebeniya mogilnika Kovalevka: chuzhie sredi svoih? [Sarmatian Burials of the Kovalevka Burial Mound: Strangers Among Friends?]. *Vestnik Volgogradskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.3>

7. Kosyanenko V.M. Seroglinyanaya goncharnaya keramika Krepinskogo mogilnika [Gray-Clay Pottery of the Krepinsky Burial Ground]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya. Vyp. 5* [Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local Lore]. Rostov-on-Don, 1988. Iss. 5, pp. 50-57.

8. Balabanova M.A., Pererva E.V., eds. *Kurgannyi mogilnik Peregruznoe I: rezultaty mezhdistiplinarnykh issledovaniy* [Kurgan Cemetery Peregruznoe I: Results of Interdisciplinary Research]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 360 p.

9. Mamontov V.I. K voprosu ob oruzhii blizhnego boya sarmatov [On the Weapons Used by Sarmatians in Close Combats]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23,

no. 3, pp. 153-158. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.13>

10. Treister M.Yu. Taz(-y) iz kurgana №1 mogilnika Oktyabrskij-V (k voprosu o vremeni i istoricheskom kontekste formirovaniya centra pogrebalnyh pamyatnikov kochevoj elity v mezhdurechye Dona i Volgi) [Basin(s) from the Burial-Mound No. 1 of the Oktyabrskiy Necropolis (On the Center of Nomadic Elite Burials in the Don-Volga Interfluve)]. *Vestnik drevney istorii* [Herald of Ancient History], 2019, no. 2, pp. 379-415. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4>

11. Yatsenko S.A. O sarmatskikh ogrableniyah sinhronnykh kurganov [Synchronous Robberies in Sarmatian Barrows]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2013, no. 2 (8), pp. 25-41. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2013\)2\(8\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2013)2(8).-03)

12. Yatsenko S.A., Vdovchenkov E.V. Ograblenie sarmatskikh kurganov v drevnosti: metody i celi [Looting Sarmatian Kurgans in Ancient Times: Methods and Purposes]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2013, iss. 13, pp. 78-90.

Information About the Author

Valeriy M. Klepikov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, klepikov.azi@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

Информация об авторе

Валерий Михайлович Клепиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, klepikov.azi@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>